

ПИСАТЕЛЬ КИНО

ЕВГЕНИЙ НОСИФОВИЧ ГАБРИЛОВИЧ — старейшина писательского цеха кино. Многими своими работами он утвердил право литератора быть творцом и первооткрывателем в новом искусстве. Высокая награда Родины — звание Героя Социалистического Труда — признание его заслуг и той миссии, которую писатель несет в кинематографе. В дни, когда вышел Указ Президиума Верховного Совета СССР, Габрилович участвовал в творческой встрече кинематографистов в Ереване. В перерыве дискуссии и состоялась эта беседа корреспондента «ЛГ» с писателем.

— Прежде всего разрешите поздравить вас с высокой правительственной наградой — присвоением вам почетного звания Героя Социалистического Труда.

— Большое спасибо. Награду эту я отношу прежде всего к кинодраматургии, которая, теперь уже смело можно сказать, приобрела подлинное право гражданства. Я счастлив, что литература с годами приобретает все большее значение в создании и совершенствовании кинематографа. Счастлив потому, что делу этому посвятил всю свою жизнь.

— Как вы относитесь к самому понятию — кинодраматург? Не кажется ли вам, что оно не совсем точно отображает роль писателя, работающего для кино?

— Термин, безусловно, спорный. И даже, как мне кажется, неверный. Я думаю, правильнее надо говорить о кинематографическом писателе. Ибо в конечном счете жанр, который я представляю, — это писательство, это литература. И работа кинематографического писателя — это не просто какие-то наброски, сценки, либретто. Это художественные произведения. Это книги, имеющие право на самостоятельную жизнь. Словом, повторяю, мы имеем дело с настоящей литературой.

— Разделяют ли эту вашу точку зрения кинорежиссеры?

— Прежде чем ответить на ваш вопрос, хотелось бы, хотя бы вкратце, вернуться к истокам самого кинематографа. Известно, что выдающиеся мастера начала века, создавая фильм, были и режиссерами, и артистами; и авторами сценария, а некоторые, как, например, великий Чаплин, даже писали музыку. Кинематограф совершенствовался. Время и жизнь показали, что, конечно, центральной фигурой остается режиссер. Это истина. Однако многие не совсем верно понимают назначение режиссера и, находясь во власти некоей инерции, считают своим непреложным долгом так сказать: «пройтись по сценарию». считают чуть ли не зазорным для себя не трогать кинопрозу. Это приобретает характер самоцели, условного рефлекса. И тем опаснее такая привычка, чем талантливее сделан киносценарий писателя. Настоящие кинорежиссеры свою точку зрения разделяют. Разумеется, можно в чем-то согласиться, в чем-то нет, что-то отвергать, но все это должно носить характер творчества, а не работы карандаша. Это можно сделать лишь в том случае, если замечания режиссера разделяет кинематографический писатель. Мне, например, в этом отношении, можно сказать, повезло. Почти все режиссеры, с которыми доводилось сотрудничать, были моими единомышленниками, настоящими соавторами произведений. Они понимали главное: идея фильма, задачи, поставленные перед конкретным литературным произведением, прежде родились в голове и сердце писателя. Отсюда должно исходить и отношение к нашему творчеству. Все это ни в коей мере не ущемляет творчество подлинного режиссера. Впрочем, не могу не сказать, что режиссура в профессиональном отношении у нас одна из лучших в мире.

— Вы автор многих и многих зрительно: «Два бойца» и «Машенька», «Коммунист» и «Твой современник», «Монолог» и «Начало», «Мечта» и «Ленин в Польше», «В огне бредя нет» и «Странная женщина»... Чем объяснить такое «разнообразие» в вашем творчестве?

— Придется, наверное, вернуться к тому, с чего мы начали нашу беседу: с принадлеж-

ности, что ли, кинематографического писателя к литературе. Возьмите вы любого литератора — от классиков до наших современников. У каждого можно встретить романы, повести, рассказы, пьесы на самые разные темы. И я, как писатель, не мог, так сказать, специализироваться лишь на какой-либо обособленной теме, ибо в каждом моем произведении я показываю прежде всего свое отношение к проблеме в целом, к жизни народной, к боли человека. В них, в книгах моих (в кинокартинах), я выражаю свои переживания, свою тревогу. А в таких случаях не может быть некоей «отдельной» темы. Наверное, общим может быть только сам человек, его внутренний мир. Сложный и неповторимый мир, который должен быть открыт в любой теме.

— Я уже пережил у вас термин — кинематографический писатель. Хотелось бы узнать, можем ли мы сегодня говорить о своеобразной школе кинематографических писателей? Есть ли у нас видные представители этого современного жанра литературы?

— Школа... Само это понятие как в искусстве, так и, как мне кажется, в науке, всегда вызывает споры. Думаю, все-таки такая школа у нас есть. Не обязательно ведь связывать ее с каким-нибудь конкретным именем. Есть наша, советская школа кинематографических писателей. И я могу сейчас по памяти назвать некоторых видных представителей, — хотя бы тех, кто собрался здесь, в Ереване, на нашем форуме. Это Клепиков, Метальников, Вязанцева, Жгентий, Васильев, Червицкий, Ибрагимбеков и другие.

— Над чем вы сейчас работаете, если конечно, это не секрет?

— Никаких секретов. Тем более от «Литературной газеты», которая в каждом своем номере целую полосу посвящает проблемам кино, ТВ и театра. После нескольких фильмов на, если можно так выразиться, общественно-бытовые, камерные, личностные темы («Монолог», «Начало», «Странная женщина», «Объяснение в любви») я вновь возвращаюсь к вещам много общественного охвата. Вместе с С. Юткевичем готовим сценарий «Ленин в Париже». Это своего рода продолжение темы, которую мы пытались раскрыть в ленте «Ленин в Польше». На сей раз и подход к раскрытию темы, и кинематографическое решение задачи будут иными. Так, например, за кадром уже будет звучать не единственно голос Ленина, а голос нашего современника, который в наши дни отправляется в Париж с тем, чтобы собрать материалы о пребывании Ленина в этом городе. Это даст возможность поговорить и о проблемах сегодняшних. Посмотреть на Париж начала века, как говорится, с высоты времен и, как это было с «Лениным в Польше», попытаться показать жизнь, мысль и чувства великого вождя. И еще о планах. После нескольких лет работы с молодыми режиссерами я снова возвращаюсь к сотрудничеству с кинематографистами моего поколения. Вместе с режиссером Ю. Райзманом мы намерены написать сценарий о международной политической конференции. Хочется показать саму конференцию, что называется, «послойно» — от мичистра до обслуживающего персонала. Словом, работы предстоит немало, а работать надо гораздо лучше, ибо кое-что во все не сделано, а многое — недостаточно хорошо.